

«Воронцовский дух», или На ком держится Россия

Храм Воскресения Христова в селе Матренино

Продолжаем публикацию впечатлений нашего автора Полины Ганцевой о местах, где расположена усадьба Воронцовых-Дашковых, и о людях, которые населяют сегодня эти места. Первая публикация - в «ВВ» от 15 мая.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ: ОТЕЦ МЕРКУРИЙ

Село Матренино - в 3 километрах от Андреевского в сторону, противоположную от федеральной трассы. Глушь самая что ни на есть: вокруг только леса, зарастающие сосняком поля и болота. И в этой глуши совершенно не ожидаешь увидеть гигантских размеров собор с 35-метровой колокольней.

Великолепный храм спроектирован знаменитым архитектором Николаем Львовым по заказу Александра Романовича Воронцова. Строилась церковь полвека, и освящена была только в 1849 году в честь Воскресения Христова.

В советские годы в ней, как водится, устроили склад. А в постсоветское безвременье от окончательного разорения ее спасал уже знакомый нашим читателям краевед, кандидат биологических и исторических наук, писатель Владимир Алексеев. Своими руками он закладывал кирпичом выбитые окна, чтобы защитить интерьер храма от вандалов. Когда началось массовое возрождение церквей, просил епархиальные власти обратить внимание на эту архитектурную редкость. Но в бывшем селе Матренино остался лишь один жилой дом - прихода у храма не было, а значит, и никаких перспектив.

Однако в 1996 году полуразрушенный храм все-таки был передан Введенской женской островой пустыни, и у него появился настоятель.

- Христос воскрес! - приветствует нас седобородый почтенных лет батюшка.

- Воистину воскрес! - отвечаем. Наша встреча - в Пасхальное воскресенье.

Отец Меркурий отпирает ключом двери. В приделе, отремонтированном для богослужений, тепло и чисто. Батюшка рассказывает, что это все благодаря чуду японской техники - воздушному насосу, работающему на электричестве. Старинные дровяные печи приведены в боевую готовность, но стоят без дела за бордовыми портьерами. Восторг перед достижением современной науки настоятель неожиданно выражает сложной инженерной терминологией.

Разглядываем с любопытством уцелевший первоначальный иконостас. Он деревянный, редкой, сферической, формы. В углу - огромный чертеж проекта его реставрации. Отец Меркурий рассказывает о договоренности с московскими мастерами, готовыми дать вторую жизнь уникальному памятнику. Осталось только собрать нужную сумму. Восстанавливается иконостас, как и храм в целом, на пожертвования, руками самого настоятеля.

” В середине 80-х я купил Библию и, сгорая от любопытства, побежал домой. Заперся в комнате и не вышел оттуда, пока не прочел всю от корки до корки. А перелистнув последнюю страницу, почувствовал себя другим человеком. Вышел на улицу и понял, что всех люблю.

- Своды сам штукатурил, - говорит священник. - И окна вставлял сам, без крана. Догадаетесь как? - хитро прищуривает он добрые лучистые глаза, в которых энергии троим молодым хватило бы. Тут надо заметить, что полукруглые окна в верхнем ярусе второго этажа - метра четыре диаметром. Как их без мощной техники установить на такой высоте? Это за гранью моего понимания.

- Втащил с помощью трактора на второй этаж две трубы, поставил их под углом к стене, влез сам и на веревках втянул рамы, - объяснил батюшка; видя немой вопрос в моих округ-

лившись глазах, батюшка добавил: - Я ж по профессии монтажник-высотник. В Сибири работал на объектах высотой 200 с лишним метров.

Впрочем, от этой ремарки мое изумление не убавилось. Потому что полезли мы на колокольню (по деревянной винтовой лестнице, тоже, кстати, сколоченной руками батюшки). На Пасху ведь звонить разрешается всем, кто пожелает. Мы-то установились на площадке с колоколами, а отец Меркурий с ловкостью рыси взмыл на самый верх колокольни. Пожилой человек (по моим подсчетам, ему за 70), одетый в домашние шлепанцы и рясю до пят, карабкался по балкам, подтягивался на руках и в несколько прыжков очутился под самым небом. Шпиль, который должен венчать колокольню, - пока еще на земле.

- Отсюда видно Петушки! - весело сообщил отец Меркурий, помахав нам рукой. У нас замирало сердце: от вида старца на кромке кладки, от красоты этого удивительного места,

весеннего тепла, птичьего гомона, густого звона большого колокола, этой пасхальной благодати.

- Долго я ходил вокруг этого храма, - признался, спустившись к нам, батюшка, - не знал, как подступиться к нему, с чего начать. И вот однажды подошла ко мне женщина: «Батюшка, хочу помочь вам в восстановлении храма». «А что вы можете?» - спросил я недоверчиво. «Все», - ответила она. «Ну, говорю, крышу надо делать». Она прислала материал и рабочих. Я, конечно, вместе с ними лазил наверх...

На сверкающих солнечных зайчиках куполах до сих пор

Настоятель храма отец Меркурий в миру был монтажником-высотником

остался деревянный трапик.

Мне же безумно интересно, как монтажник-высотник «золотые руки» стал священником, но спросить я стеснялась, считая вопрос слишком личным. Однако отец Меркурий как-то услышал его и сам рассказал об этом своем перевоплощении:

- У меня, сколько себя помню, была тяга к чтению, но в моем послевоенном детстве книг было мало. Я читал обрывки газет по нескольку раз, с одной и с другой стороны. А мама рассказывала, что до революции вечерами, бывало, вся деревня собиралась в одной избе: бабы пряли, а мужики читали.

«Что читали, мама?» - этот вопрос меня крайне интересовал. «Библию». «Кто автор?» - спрашиваю. Она отвечала: «Бог!» Я, ученик советской школы, решил: она тут что-то путает. «О чем же книга?» - не унимался я. «О жизни и о ее конце». Так все это было непонятно для меня, но в душу запало. Поэтому в середине 80-х, когда на одном из книжных развалов я увидел Библию, купил сразу же и, сгорая от любопытства, побежал домой. Заперся в комнате и не вышел оттуда, пока не прочел всю от корки до корки. А перелистнув последнюю страницу, почувствовал себя другим человеком. Вышел на улицу и понял, что всех люблю. Мне хотелось всех

прохожих на улице обнять и расцеловать. Стал ходить в церковь, проповедовать в колонии для малолетних. 128 пацанов стали тогда моими крестными детьми. Восстанавливал храмы на Урале, пока 20 лет назад меня не перевели сюда. И видите, казалось бы, что тут можно сделать? Глушь, разруха, денег взять негде. А берешься, и Бог помогает!

Владимиру Алексееву, который привез нас в Матренино, эти слова отца Меркурия запали в душу. Он ведь тоже взваливал на себя непосильный груз, спасая усадьбу Воронцовых - просто потому, что не мог поступить иначе.

И вот в Андреевском храме снова звучит молитва, могила Александра Романовича восстановлена, Матренинская церковь возрождается.

- Воронцовский дворец в Андреевском и парк тоже можно вернуть в культурное пространство. Главное взяться - и Бог даст, - уверен краевед.

И пример матренинского батюшки, который, кстати, живет в каменном доме, построенном еще графами и пропитанном «воронцовским» духом, лишь укрепляет во Владимире Алексееве этот созидательный настрой.

Полина ГАНЦЕВА
Фото автора